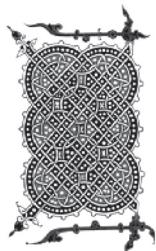

ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2022 Н. Н. Блохина

Москва, Россия

МОСКОВСКАЯ НИКОЛЬСКАЯ ОБЩИНА СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ В ПАМЯТЬ КНЯГИНИ С. С. ЩЕРБАТОВОЙ И ДОКТОРА Ф. П. ГААЗА И ЕЕ НАСТОЯТЕЛЬНИЦА Е. М. ЛОПАТИНА

Аннотация. Возникновение Никольской общины сестер милосердия в Москве связано с обстоятельствами Отечественной войны 1914 г. Как и в Крымскую войну, по царскому призыву на новые поля сражений из Москвы отправились добровольцами группы сестер милосердия. Данная община появилась как сестринское и медицинское учреждение, помогающее пострадавшим от войны мирным гражданам и воинам, в том числе нуждающимся в психиатрической помощи. Уход за больными, страдающими психическими расстройствами, становится главной заботой сестер новой общины. Имена учредителей, как и имена людей, в память которых община названа, были связаны общей традицией социальной сестринской помощи – жертвенной по своему характеру, требующей профессионализма, христианского милосердия и отреченности от собственной жизни во имя спасения жизней других.

Ключевые слова: Никольская община сестер милосердия, христианство, православие, благотворительность, милосердие, психиатрическая помощь, помощь раненым и больным на войне.

Ссылка при цитировании: Блохина Н. Н. Московская Никольская община сестер милосердия в память княгини С. С. Щербатовой и доктора Ф. П. Гааза и ее настоятельница Е. М. Лопатина // Традиции и современность. 2022. № 30. С. 3–17.

Блохина Наталья Николаевна (Blochina Natalija Nikolaevna) – кандидат медицинских наук,
chervyakow@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2022. № 30. С. 3–17

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoslavie.ru>
УДК – 929; 364.3; ББК – 60.93; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2022-30/3-17>

В 1914 г. началась Первая мировая война. Жизнь потребовала создать Московскую Никольскую общину сестер милосердия, получившую краткую, с 1914 по 1917 г., но замечательную историю, у истоков которой стояли княгиня С. С. Щербатова и доктор Ф. П. Гааз. Возникновение общин было связано с тем, что среди воинских чинов появились случаи психических расстройств. Таким больным требовалась специальная медицинская помощь, и понадобилось создание специальной общине сестер милосердия, чтобы готовить профессионалов для ухода за душевнобольными. Учреждение получило название «Московская Никольская община сестер милосердия в память княгини С. С. Щербатовой и доктора Ф. П. Гааза Российского общества Красного Креста».

Сама организация общине оказалась для членов Попечительского совета не совсем обычным делом: они стремились не только создать ее под знаком Красного Креста, но и отдать должное создателям другой, работавшей ранее в Москве (с 1848 г.) Никольской общине сестер милосердия.

Хотя некоторые современные исследователи считают вторую Никольскую общину продолжением предыдущей, но это не так¹. Сестры старой общине трудились в мирное время и во время Крымской кампании в рамках Ведомства императрицы Марии. Представительницы этой старейшей общине сестер милосердия участвовали в Севастопольской кампании 1854–1856 гг. и за свои труды, за «ревностное исполнение» своих обязанностей они были награждены императрицей Александрой Федоровной Крестами Сердоболия для ношения их на груди на зеленой ленте, а также серебряными медалями. На первом же заседании Попечительского совета новой Никольской общине в 1914 г. было решено предоставить право ношения исторических нагрудных крестов Никольской общине тем сестрам, которые имели в прошлом не менее десяти лет работы и первыми вступили в нее, а также особо заслуженным сестрам. Один экземпляр креста был найден в вещах умершей сестры милосердия. Он был возложен на сестру Московской Никольской общине в 1856 г. в Симферопольском соборе. По его образцу заказали еще 19 крестов, которые и передал заслуженным сестрам преосвященный Феодор (Отчет 1916: 18). Подобный символический акт, демонстрирующий преемственность традиций, способствовал нравственному воспитанию последующих поколений сестер милосердия. Для новой Никольской общине старая являла свой величественный образ, была своего рода идеалом. Цвет ленты был выбран не случайно, а как дань традиции. Достаточно вспомнить, что московские сердобольные вдовы носили наперсные кресты на зеленой ленте. Сестры милосердия Никольской общи-

ны, трудившиеся в Ведомстве императрицы Марии, также носили наперсные кресты на зеленой ленте. Дело преемственности и традиции было важным инструментом консолидации сообщества сестер для настоятельницы, руководительницы общине, заслуженной сестры милосердия Е. М. Лопатиной. Она полностью отдавала себе отчет в том, что сестринское дело, не имеющее исторических корней, не пронизанное пониманием каждой сестрой сопричастности к делу своих предшественниц, не имеет шансов для полноценного развития. От этого зависел и процесс формирования личности в общине. Все, что делала Лопатина вместе со своими единомышленницами, являлось целенаправленной долговременной политикой для сохранения традиций сестринского дела. Эти традиции теснейшим образом были связаны с православием, с православными традициями милосердия.

Утверждение исторического креста Никольской общине на зеленой ленте произошло 30 марта 1915 г., но в приложенном к указу «Положении о кресте» значилось, что награждение этими крестами возможно только после пяти лет службы. Хотя и были сестры, трудившиеся на этом поприще еще с Русско-японской войны, но речь шла о выслуге в рамках Никольской общине. В телеграмме А. Д. Чаманского на имя настоятельницы в день празднования первой годовщины Общины Е. М. Лопатина была уведомлена, что ходатайство Попечительского совета не может быть уважено. Тем не менее Попечительский совет надеялся, что Главное управление признает возможным зачислить год службы во время войны за три года, и на основании этого предположения в конце 1916 г., ко второй годовщине Никольской общине Российского общества Красного Креста (далее - РОКК), ходатайствовать о награждении этих сестер утвержденными крестами (Отчет 1916: 18). Журнал «Вестник Красного Креста» подробно изложил, как отреагировало Главное управление РОКК: «Попечительница Никольской Общины представила на утверждение Главного Управления Красного Креста образец знака Красного Креста для награждения им заслуженных сестер милосердия названной общине. Крест этот был найден у одной умершей сестры с медалью, отлитой по повелению Ея Императорского Величества государыни Императрицы Александры Федоровны за Крымскую кампанию для сестер Никольской Общины. Член Главного Управления генерал-лейтенант Н. К. Шведов, на рассмотрение которого был передан настоящий знак, заявил, что с его стороны препятствий к установлению указанного знака не встречается при условии, если к знаку будет приделан ушко вместо имеющегося в образце отверстия для ленты. Главное Управление

согласилось с заключением генерала Н. К. Шведова и утвердило представленный знак отличия для сестер милосердия Никольской Общины, причем постановило применить к этому знаку положение, обычно утверждаемое Главным Управлением за последнее время для знаков отличия сестер милосердия» (Знак 1915: 1342). То, что попечительница Никольской общины представила на утверждение Главного управления Красного Креста образец знака Красного Креста для награждения им заслуженных сестер милосердия названной общины, стало вполне закономерной инициативой. Воспитанию сестер милосердия способствовало наличие перед ними высокой воодушевляющей цели.

Устроители общины стремились не просто открыть ее под флагом Красного Креста, но хотели почтить этим память известных деятелей на ниве благотворительности и дел милосердия – княгини С. С. Щербатовой и доктора Ф. П. Гааза, ранее немало потрудившихся в мирное и военное время в деле ухода за больными. Члены Совета имели намерение сохранить все прежние важные традиционные ценности Никольской общины и отдать должное тем сестрам милосердия, которые были предшественницами новых сестер. Целью их было также восстановить все лучшее из сестринского дела, накопленное к середине XIX в.

Никольская община выросла из Лефортовского отделения «Дамского попечительства о бедных». Мы обратились к отчетам Никольской общины, чтобы увидеть состав ее наследниц. Обращает на себя внимание тот факт, что среди трудившихся там были известные сестры милосердия и врачи: попечительница и председательница общины Ольга Львовна Еремеева; главный врач этой общины Петр Александрович Герцен², врачи-психиатры Юлия Александровна Флоренская, Михаил Юрьевич Лахтин; члены Совета Анна Александровна Адлер, Екатерина Михайловна Лопатина, Лидия Филипповна Маклакова, Мария Александровна Фишер-фон-Вальдгейм.

Каждый специалист, входивший в состав Попечительского совета, к моменту начала деятельности Никольской общины сестер милосердия имел немалый профессиональный опыт. По данным отчета за период с 25 октября 1914 г. по 25 октября 1915 г. ее деятельность была обширной и интенсивной, о чем свидетельствовали следующие данные: за отчетный год было 5 курсов сестер милосердия военного времени. Экзамен при курсах выдержали 1042 сестры, из них 90% со средним и высшим образованием, причем на фронте работали 942, а в госпиталях Москвы и «внутреннем районе империи» – 500, и в резерве оставалось 50. То обстоятельство, что в дело служения больным и раненым в военное время

было включено значительное число образованных сестер, имело положительное значение для судеб больных. И, конечно, события Крымской войны нашли отклик в новых военных событиях. Было осознание *преемственности* сестринского военного служения. Сестры милосердия были готовы ко всяческому труду, согласны на лишения ради того, чтобы хорошо подготовиться к профессиональной сестринской деятельности и достойно носить свое высокое звание. К концу отчетного периода община имела 90 сестер милосердия, терапевтическую больницу на 150 коек с брюшнотифозным госпиталем на 120 больных и эвакуационный пункт на 40 душевнобольных беженцев. В дальнейшем под опекой сестер милосердия оказался еще один госпиталь на 70 душевнобольных. Члены Попечительского совета постоянно стремились найти любую возможность оказать помощь раненым.

На долю Никольской общины выпала сложная и ответственная обязанность по организации первых курсов по психиатрии для сестер милосердия. Руководила общиной заслуженная сестра милосердия Е. М. Лопатина. В лице врачей М. Ю. Лахтина и Ю. А. Флоренской она встретила профессиональных психиатров, готовых принять на себя труд по подготовке сестер милосердия для ухода за душевнобольными. Ю. А. Флоренская ко времени привлечения ее к работе в Совете Московской Никольской общины была врачом-психиатром в Преображенской больнице для душевнобольных в Москве (с 1913 г., после окончания университета). Врач-психиатр Михаил Юрьевич Лахтин³ был известным историком медицины, хорошо знакомым с историей психиатрии. Юлия Александровна Флоренская – выдающийся русский врач, специалист в области психиатрии, психологии и логопедии⁴. Она была сестрой знаменитого священника и ученого о. Павла Флоренского; высшее образование получила на медицинском факультете университета в Цюрихе. В студенческие годы ей удалось поработать в психологической лаборатории Женевского университета под руководством известного швейцарского психолога Э. Клапареда, а позднее, на родине, в психологической лаборатории Института детской психологии и неврологии, руководимом проф. Г. И. Россолимо. Здесь она приобрела основательные знания в области экспериментальной психологии.

Заведующий курсами в общине М. Ю. Лахтин приглашал московских лекторов-психиатров, предоставив для практических занятий 81 сводный военный госпиталь и госпиталь для душевнобольных Всероссийского Земского Союза, где слушательницы под его руководством и наблюдением проходили продолжительный курс обучения. После экзаменов под председательством М. Ю. Лахтина 51 слуша-

тельница удостоилась звания сестры милосердия по уходу за больными, еще большее число их получили места в Военном госпитале и Краснокрестном госпитале для душевнобольных, в городских лазаретах для нервнобольных. Все окончившие курсы давали подпись о соблюдении требований общины. Впоследствии сестры Никольской общины выхаживали раненых на фронтах Первой мировой войны, самоотверженно трудились в госпиталях и больницах. Деятельность молодых сестер милосердия подлежала регулярному контролю со стороны руководства общины. Заслуженная сестра общины М. И. Кашилинская объезжала госпитали, где работали сестры в военное время, собирала сведения о их работе. Она объезжала по мере надобности фронтовые госпитали, проводила расследования в случае возникающих недоразумений, в качестве заведующей мобилизационным отделом отвечала за назначения сестер в действующую армию. Кроме нее военные госпитали инспектировала заслуженная сестра А. А. Горская, которая одновременно заведовала центральным складом и двумя общежитиями для курсисток и беженок. Она входила во все нужды сестер, помогала им и словом, и делом. Наблюдение же за работой сестер в специализированных психиатрических госпиталях было возложено на заслуженную сестру Е. М. Лопатину (Отчет 1916: 21)⁵.

Особое место в общественной деятельности А. А. Адлер⁶ занимал Политехнический музей, в котором она начала работать с 1888 г. Став сотрудницей музея, Анна Александровна организовала в нем комиссию по обучению слепых. В 1894 г. она была избрана председателем «секции обучения слепых» Комитета русских деятелей по техническому и профессиональному образованию. В 1898 г. благодаря ее стараниям в 56 зале музея была открыта «Коллекция по воспитанию и обучению слепых». Все пособия коллекции были систематизированы, к каждому экспонату даны пояснения. За эту работу А. А. Адлер была награждена, в документе говорилось: «С соизволения Августейшей покровительницы Российского Общества Красного Креста Государыни Императрицы Марии Федоровны, по постановлению Главного Управления Общества от 10 июля 1915 года, предоставлено право ношения Высочайше установленного 24 июня 1899 года знака Красного Креста заведующей сбором вещей для раненых при Московской Никольской Общине, дочери полковника Анне Александровне Адлер».

Примером общественной деятельности А. А. Адлер может служить следующее ее обращение: «Состоящий при Высочайше учрежденном Комитете московского Музея Прикладных Знаний (Политехнический музей) «Дамский кружок» по сбору пожертвований на нужды военного времени,

устраивая в четверг, 22 января 1915 года, в 8 часов вечера, в зале Музея литературно-музыкальный вечер с участием Марии Николаевны Ермоловой и других известных артистов, чистый сбор с коего поступит на покупку белья для отправки на передовые позиции, покорнейше просит Вас, Милостивые Государыни, почтить означенный вечер своим благосклонным вниманием. Билеты от 5 рублей до 25 копеек продаются в Музее. Председательница «Дамского кружка» А. Адлер». В докладной записке на имя Комитета она подробно пишет о важных обстоятельствах организации в Никольской общине помощи раненым. Приводим этот документ целиком:

«Докладная записка Высочайше учрежденному Комитету «Музея прикладных знаний» от члена Комитета Анны Александровны Адлер.

Организация нашего лазарета на собственные средства закончена, группа сотрудниц подобрана, и работа по уходу за ранеными вошла в свою колею. Жизнь из-за войны со всеми ее ужасами стала предъявлять нам более высокие требования, и наш Дамский кружок решил не только помогать раненым и беженцам, но и посыпать на передовые позиции посылки. С наступлением холодов мы решили самостоятельно организовать непосредственную помочь воинам на передовых позициях, и 26 октября я доложила об этом желании Комитету Музея, который единодушно отозвался на это и разрешил мне начать эту работу. Организация нашей работы не представляет никаких затруднений. Моя сотрудница вдова генерала Самохоткина работала со мной и в Японскую войну также по снабжению воинов всем необходимым на передовых позициях, доставляя туда лично посылки и получая на все доставленные посылки расписки от полкового начальства.

Так как непосредственную помощь на передовых позициях могут оказывать только санитарки и сестры милосердия, то я обратилась к только что восстановленной Никольской Общине Всероссийского Красного Креста с предложением вместе начать это дело (25 октября 1914 г.). Община горячо отозвалась на наш призыв, и тотчас же я, Самохоткина, Нечаева, Тихомирова, Еремеева и другие наши сотрудницы Дамского кружка вступили в эту общину сестрами милосердия.

Как только я получила разрешение Комитета, так тотчас же приступила к формированию отряда сестер милосердия и сборам по Москве теплых вещей, лекарств, медикаментов, перевязочных материалов и пищевых продуктов для лазарета. Пожертвования собирались нашими сотрудниками «Дамского кружка» большею частью под флагом Красного Креста Никольской Общины, деятельность которой не ограничилась только подготовкой кадров сестер милосердия, но и включала оказание

помощи действующей армии и лицам, пострадавшим от войны.

Неожиданно была получена Самохоткиной телеграмма от генерала Брусилова следующего содержания: «Москва. Любови Гавриловне Самохоткиной. Сейчас узнал о работе “Дамского кружка” и предполагаемой поездке Вашей в Галицию для раздачи лично теплых вещей нашим воинам. Сердечно благодарю от имени наших воинов за участие к нашим нуждам. Более всего нуждаемся в теплых вещах, сапогах и одеялах для раненых. Усердие Ваше является для нас своевременной помощью в трудную минуту. Генерал 8-ой армии А. Брусилов. 1914 г.».

Эта телеграмма Брусилова помогла нам в сборе пожертвований и ускорила направление на фронт нашего первого транспорта. 24 ноября 1914 года все было готово. В ночь на 28 ноября с. г. был отправлен первый отряд сестер милосердия со старшей сестрой Самохоткиной во главе и с грузом в 850 пудов стоимостью 15 000 рублей. Нашим сестрам милосердия было оказано самое широкое содействие для достижения ими цели, как Высшим начальством, так и начальником этапа.

Они благополучно достигли передовых позиций Армии генерала Брусилова, что подтверждает полученная мною телеграмма: «Председательница «Дамского Кружка» при Комитете Московского Музея прикладных знаний Анне Александровне Адлер. Сестры милосердия во главе с Самохоткиной прибыли благополучно на передовые позиции, преодолев страшные затруднения. Немедленно приступают к раздаче вещей. От имени 8-ой армии приношу горячую признательность. В настоящее время Армия нуждается в теплом нижнем белье и сапогах. Генерал Брусилов» (ЦГИАМ. Ф. 1331. Оп. 1. Д. 34).

Большое терпение и великодушие проявляла А. А. Адлер при наведении справок о военнопленных, попавших за границу в Германию, Австрию, Данию, Бельгию, Швецию.

Дамский кружок получал множество писем и телеграмм со словами благодарности за помощь, оказанную воинам, и от других армий и полков.

Командующий Восьмой армией 30 декабря 1914 г. так отмечал самоотверженную работу сестер в письме к Л. Г. Самохоткиной: «Милостивая государыня Любовь Гавриловна! Приношу Вам лично, Никольской общине сестер милосердия и обществу “Дамского кружка” при “Комитете” “Музея прикладных знаний” сердечную благодарность от себя... за подарки воинам и за ту энергию, которую Вы вложили в это дело, обезъездя части войск на передовых позициях Вы лично раздавали подарки от сердца матушки-России – Москвы, русским воинам к праздникам Рождества Христова. Оставаясь бла-

годарный и уважающий Вас покорный слуга генерал армии А. Брусилов» (ЦГИАМ. Ф. 1331. Оп. 1. Д. 34).

В письме командира 56-го пехотного Житомирского Его Императорского Высочества великого князя Николая Николаевича полка от 18 декабря 1914 г. также звучат слова сердечной благодарности сестрам: «Милостивая Государыня Любовь Гавриловна! От своего имени и вверенного мне Житомирского полка приносим глубокую и сердечную благодарность за привезенные Вами подарки воинам от Никольской общины и от Общества Дамского кружка при “Комитете Музея прикладных знаний”. Благодаря Вашим трудам и энергии вещи прибыли в полк и прибыли именно в тот момент, когда в них ощущалась остро нужда. Вместе с тем просим Никольскую общину и “Дамский кружок” при Комитете Музея прикладных знаний также принять нашу глубокую признательность и благодарность за собрание и присыпание подарков воинам. Уважающий Вас и глубоко благодарный Я. Офросимов» (ЦГИАМ. Ф. 1331. Оп. 1. Д. 34).

В отчете общины мы находим сведения о размерах помощи фронту со стороны Никольской общины: «В 5 складах общины собрано в Москве и провинции и отправлено на передние позиции для раздачи воинам теплого белья, полушибков, сапог, одеял и других “жизненно необходимых продуктов” на сумму более 90 000 руб. (20 больших и 10 малых транспортов)» (Отчет 1916). В мае 1915 г. Никольская община организовала отправку 150 больных солдат в грязелечебницу на озеро Эльтон, в районе города Царицына. Грязелечение в течение шести недель под присмотром сестер милосердия оказалось благотворное действие на заживление их ран (Отчет 1916: 29).

Община проявила также заботу о детях воинов: «Благодаря хлопотам представителей Попечительского Совета Никольской общины была устроена летняя колония для слабых детей (страдавших малокровием) в Новороссийске». Общиной было собрано на противогазы 55 000 руб., на прачечную 5 000 руб. Сестры постоянно стремились «поддерживать дух русского солдата». «Для раздачи воинам отправлены 5 768 075 открытых писем, изданные общиной на сумму более 173 000 руб.». Важной стороной общинной работы стала масштабная помощь беженцам, о чем свидетельствуют следующие цифры: отдел питания общины с 8 до 11 августа 1915 г. накормил кашей 18 500 беженцев, среди которых было много остро нуждающихся в самом необходимом женщин, детей, старииков. Все перечисленное было сделано только за один год существования общины (Отчет 1916).

Во время войны стали появляться на улицах городов женщины, одетые в форму сестер милосердия

сердия, но не имевшие отношения к сестринскому делу. Бывало, что своим поведением они компрометировали истинных тружениц – общинных сестер милосердия. В «Вестнике Красного Креста» неоднократно сообщали о подобном явлении, для борьбы с которым была установлена выдача каждой из сестер, помимо удостоверения – билета с фотографической карточкой, которую каждая сестра обязана была иметь всегда при себе. Членам же Попечительского совета и всем сестрам вменялось в обязанность «при встречах на улице сестер Никольской общины или одетых вообще в синее платье и синие платки спрашивать билет и при малейшем уклонении от установленной формы уведомить Канцелярию». В начале 1915 г. «Вестник Красного Креста» «сообщал о разрешении Главного Управления РОКК носить сестрам Никольской общины форменную одежду синего цвета и головной убор в виде апостольника при условии, что повседневная одежда будет по-прежнему установленного уставом серого цвета» (Сообщение ВКК 1915: 714).

В заметке «Борьба с лже-сестрами милосердия» была показана тактика Главного управления РОКК, касающаяся устранения самозванок, представляющих сестрами милосердия, с улиц российских городов: «Главным Управлением Красного Креста получено постановление по Двинскому военному округу, в котором указано, что в видах устранения появления на улицах и в разного рода общественных местах лиц, самовольно носящих присвоенную сестрам милосердия форму одежды, главным начальником Двинского военного округа на театре военных действий издано постановление, в силу которого преступления, предусмотренные статьею 1417 Уложения “О наказании уголовном и исправительном” изымаются из общей подсудности и передаются к административному рассмотрению с возложением на виновных штрафа до 3000 рублей или ареста до трех месяцев и вместе с тем предоставляется право наружной полиции и коменданту города проверять право ношения формы сестры милосердия внашающими хотя бы малейшее подозрение» (Борьба 1915: 1345).

Данные отчета 1916 г. демонстрируют, какая огромная работа в деле милосердия и медицинской помощи была проведена за короткий промежуток военного времени.

В главе Никольской общины стояла заслуженная сестра милосердия Екатерина Михайловна Лопатина (псевдоним – К. Ельцова; 8 апреля 1865 г., Москва – 18 сентября 1935 г., с. Вальбон близ г. Граса, Франция). Дочь известного судебного деятеля Михаила Николаевича Лопатина, сестра философа и психолога Льва Михайловича Лопатина, из семьи дворян Орловской губ. Особняк, в котором жила

семья статского советника М. Н. Лопатина в Москве, в Гагаринском переулке, был построен в стиле московского ампира и ранее принадлежал барону Владимиру Ивановичу Штейгелю, декабристу и масону. Атмосфера родного дома была такова, что Е. М. Лопатина вспоминала о ней даже через много лет: там было большое число фотографий, имелась домашняя библиотека. Чтение рано сделалось основным занятием детей в семье, формировало вкус детей и давало благородное направление их мыслительной, а в дальнейшем и общественной деятельности. Именно в детские годы у Е. М. Лопатиной пробудилась любовь ко всему высокому и благородному. С детства она имела возможность общаться с известными писателями и учеными.

Екатерина Михайловна Лопатина (1865-1935)

В 1888 г. Е. М. Лопатина, будучи выпускницей Московских высших курсов В. И. Герье, выдержала экзамен на звание учительницы (ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3778). В начале 1900-х годов она – попечительница Хамовнического 1-го женского училища (ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 283. Л. 201). Литературные начинания Е. М. Лопатиной активно поддерживала Л. Ф. Маклакова (Нелидова). Дружеские узы соединяли писательниц на протяжении многих лет. Литературные интересы сближали Е. М. Лопатину с писательницей А. А. Вербицкой. В 1895 г. она по-

знакомилась с литературным критиком А. М. Скаевичевским, который способствовал журнальной публикации написанного ею романа «В чужом гнезде», общественный деятель и журналист С. Н. Кривенко содействовал появлению его отдельного издания.

Регулярно проводимые «лопатинские среды» сопровождались непременными чаепитиями, приглашенные засиживались иногда до рассвета. На большом столе, покрытом белоснежной скатертью, гостей ждали чайное серебро, стаканы, чайный фарфор, вложенные в кольцо салфетки. Это были встречи в настоящее время уже забытых людей, которые были цветом и совестью русской культуры. Они грелись у семейного очага Лопатинского дома, добывали истину в спорах, писали книги, слушали музыку. Князь Е. Н. Трубецкой писал в своих воспоминаниях: «В Москве в то время не было дома, который бы столь ярко олицетворял духовную атмосферу московского культурного общества, как дом Лопатиных... Благодаря удивительному простодушию и истинно московскому хлебосольству хозяев дом Лопатиных был одним из самых приятных в Москве» (Трубецкой 1921).

Николай Лопатин, старший сын в семье, вдохновенно пел для гостей русские песни. Здесь говорили о любви, о раскаянии и стыде. Но что было главным в этих размышлениях и спорах – «совесть». О ней говорили в Лопатинском особняке всегда, когда приходил Л. Н. Толстой, для него это была важная тема. О совести говорили Владимир Сергеевич Соловьев, Василий Осипович Ключевский, Евгений Николаевич Трубецкой, Алексей Феофилактович Писемский. Теплый, доброжелательный климат семьи сыграл важную роль в формировании личности. «Среды в лопатинском доме» долгое время хранили традиции: все обсуждения проводились серьезно и обстоятельно. Причем всегда поощрялась самостоятельность суждений каждого.

З. Н. Гиппиус, хорошо знавшая Е. М. Лопатину, писала о раннем периоде ее жизни: «кровное прошлое жило в ней и хранилось; среда, в которой она выросла, старо-интеллигентская, университетская Москва». Позже она писала: «Семья Лопатиных была тесно связана с семьей Соловьевых. Юность свою Е. М. провела в кругу студенческой молодежи. Ея братья (один из них – будущий философ) и ближайший друг их “Володя Соловьев”, как она его называла, составляли ядро одного из серьезных тогдашних молодых кружков; бесконечные религиозно-философские разговоры между друзьями оставили в душе Е. М. глубокий след и, может быть, повлияли отчасти на все направления ее жизни. Оно, несмотря на импульсивность ея натуры и разнообразные жизненные переплетения, составля-

лось, в сущности, одним и тем же; оно привело ее еще молодой и в Общину» (Гиппиус 1935: 459–462). Е. М. Лопатина испытала сильное влияние религиозного мыслителя, мистика, философа, поэта, публициста В. С. Соловьева, о котором она оставила теплые воспоминания. Она писала о том времени: «Из моего раннего детства я помню хорошо если не факты, то общую обстановку жизни, настроение моей детской души и людей, которые произвели на меня тогда же наиболее сильное впечатление. Помню хорошо нашу небольшую залу, освещенную одной лампой переднюю, коридор и лестницу наверх, где находился кабинет моего отца. В кабинете этом часто собирались его друзья, и мне было известно, что беседы там длились часто целую ночь напролет. Я не знаю, о чем там говорили, но имела к этим разговорам безграничное уважение. Когда я сиживала длинными зимними вечерами у себя в детской с моей нянькой и при свете единственной свечи старательно марала карандашом белый лист бумаги, до слуха моего долетали из залы звуки музыки Бетховенских сонат и Шопеновских мазурок, и часто голоса людей, проходивших наверх» (Сборник 1891: 161–176).

Дом Лопатиных на углу
Хрущёвского и Гагаринского переулков

Лопатины всегда были рады гостям, ведь это были собрания единомышленников. Двери их дома были всегда открыты им. Это был значимый интеллигентский центр московской культурной интелигенции. Атмосфера была благожелательной. По сути дела, это был подлинный очаг науки. Кто же собирался под крышей Лопатинского дома? Лев Лопатин – философ, профессор Императорского Московского университета, председатель Психологического общества; кн. С. Трубецкой – философ, профессор Императорского Московского университета, потом его ректор; Николай Гrot – философ, профессор, основатель и редактор журнала

«Вопросы философии и психологии»; Л. Н. Толстой – русский писатель, соавтор по журналу «Вопросы философии и психологии», Владимир Соловьев – философ, публицист, поэт и критик, С. А. Юрьев – редактор журнала «Русская мысль». Все они были единомышленниками и друзьями.

Так, книга Л. Н. Толстого «О жизни» – о том, как духовное рождение освобождает человека от страха смерти, о процессе гниения зерна, пускающего молодой зеленый росток. Толстой писал ее долго и напряженно. У юной Е. М. Лопатиной произошел спор с Л. Н. Толстым. В этом споре известный писатель опирался на жесткую логику. Лопатина, чтобы выйти из неловкого положения и прекратить спор и одновременно не остаться побежденной, сказала: «Нет, я с вами не согласна». Она не побоялась перечить великому авторитету! В ее понимании именно «совесть» имела исключительное значение в целостной системе психических явлений.

Для Е. М. Лопатиной все было интересно и познавательно в ее родном доме. Она проявляла живой интерес ко всем участникам «лопатинских сред». Близкое общение с лучшими людьми России помогло ей многое обдумать и понять. Подтверждением того, что все люди, которые встречались ей в их доме, становились родными и близкими, служит установление между ними неразрывной связи. Так, когда С. А. Юрьев умер, близкие ему люди выпустили в свет в 1891 г. книгу «В память С. А. Юрьева. Сборник, изданный друзьями покойного», где было написано следующее: «Наше общество и все образованные люди Москвы потерпели тягостную... утрату. Сошел в могилу один из последних и самых оригинальных литературных представителей блестящей плеяды людей сороковых годов». По поводу оценки значения «покойного Сергея Андреевича Юрьева как публициста, критика, драматического писателя» – высказывалось мнение, что к оценке его трудов «еще не раз вернутся» (Речь 1891: 213–214). Брат Е. М. Лопатиной – философ и психолог Л. М. Лопатин – писал о С. А. Юрьеве: «В его сердце жила настоящая любовь к людям, – он действительно прощал врагам своим и действительно помогал своим ближним. Отсюда происходила его трогательная внимательность ко всем, его благодушная готовность целые часы беседовать о самых дорогих для него убеждениях и с юношой, в котором впервые проснулись мучительные вопросы, и со стариком, поседевшим в ученых трудах. В этой любви, в этой вере во внутреннюю красоту главным образом почерпал Юрьев тот юношеский пыл, который выделял его среди всех его сверстников и которого не могли победить никакие житейские невзгоды, – а жизнь его далеко нельзя назвать счастливою. Душевный пламень горел в нем, горел до того са-

мого дня, когда распалась его телесная оболочка» (Воспоминания 1891). Е. М. Лопатина оставила теплые воспоминания о С. А. Юрьеве. «Незадолго до кончины Сергея Андреевича и мне случалось, – вспоминала Е. М. Лопатина, – вести с ним длинные разговоры, которые произвели на меня сильное впечатление и имели самое благотворное влияние» (Воспоминания 1891: 168). Е. М. Лопатина вспоминала об одной из встреч с ним: «Мы заговорили о нигилизме и его проповеди». Она приводит в своих воспоминаниях важные, с ее точки зрения, высказывания С. А. Юрьева: «Идеи свободы и равенства можно проповедовать только Евангелием» (Воспоминания 1891: 171). И далее она вспоминала: «Он привел в пример святых и заметил, что можно в жизни дойти до того высокого состояния, когда переход к смерти является почти незаметно, потому что дух преобладает над побежденным телом» (Воспоминания 1891: 172).

Лев Лопатин со своей сестрой Екатериной.
1880-е годы

Вспоминая то, как проходили похороны близкого ей и любимого многими С. А. Юрьева, Е. М. Лопатина заканчивает свои воспоминания следующими словами: «Со свечой в руках я стояла у гроба и слушала великие слова утешения и надежды, кото-

рые пелись над ним, и молитвы о прощении ему согрешений вольных и невольных, и не то, чтобы не могла, как-то не смела молиться о нем, потому что чувствовала всю бедность духовную свою в сравнении с высокой душой этого чистого человека» (Воспоминания 1891: 176).

Позднее, в эмиграции, Е. М. Лопатина постоянно жила памятью о Родине, о Москве. Уже находясь за границей, она опубликовала в 1926 г. (под псевдонимом К. Ельцова) работу «Сны нездешние», где воссоздала образы близких, в том числе молодого философа В. С. Соловьева. О нем она писала: «Без очевидной перемены жил еще наш старый особняк, в который мы переехали со студенческих лет старших братьев, и Владимир Сергеевич по-прежнему приходил и обедал и жил там. Сборища наши изменили свой характер – на наших “средах” было гораздо больше молодежи, ряды стариков быстро таяли» (Ельцова 1926: 263). И далее она писала: «появились новые профессора – худые, высокие князья Трубецкие; Николай Яковлевич Гrot, маленький, живой, с высоко стоящими темными волосами и живыми черными глазами, В. П. Преображенский, М. С. Карелин в двойном пенсне, и много еще; и врачи-психиатры – тогда только вошел в моду гипнотизм, интересовавший и психологов, и педагогов, и философов. Все эти люди группировались вокруг нового, основанного Гrotом философского журнала “Вопросы психологии и философии” и нового Психологического Общества. Много было споров в кабинете и наверху, у брата, в его низкой студенческой комнате, и на заседаниях Психологического Общества, где общий смех вызывала скора брата с Соловьевым: сначала все шло хорошо, называли друг друга: “почтенный референт”, “мойуважаемый оппонент” и вдруг не выдержали – и стали кричать при всей публике: “Я тебе говорю, а ты мне возражаешь не на то!” – “Что ты врешь!” и т.д.» (Ельцова 1926: 264). В своих воспоминаниях Е. М. Лопатина нарисовала образы людей, которые представляли перед глазами читателя как «живые лица».

В 1899 г. Е. М. Лопатина опубликовала также под псевдонимом К. Ельцова роман «В чужом гнезде», который имел биографические черты. В основе сюжета лежат реальные переживания автора о несложившихся отношениях с психиатром А. А. Токарским⁷, лечившим ее старшего брата Николая.

Роман Е. М. Лопатиной «В чужом гнезде» стал плодом ее наблюдений за жизнью дворянства, размышлений о судьбе человека в перипетиях середины XIX в., здесь видна рука автора, хорошо знакомого с русской литературой и теми идеями, которые царили в обществе. Написан роман живо и правдиво, хорошим литературным языком. Содержанием его стала судьба девушки, оказавшейся

на перепутье. Здесь есть ряд важных положений, о которых стоит сказать. «Перенесенное страдание – дало мне нечто, – писала в 1899 г. Е. М. Лопатина, – единственно необходимое для того, чтобы иметь мужество жить, научило меня ценить и уважать только то, что действительно достойно уважения». То, что произносит героиня романа, полностью отражает чувства самой Е. М. Лопатиной. Судьба девушки из дворянской семьи, ее поиски смысла жизни раскрываются в «служении народу». Но главное, считает автор – это облегчение страданий страждущих: «кроме людских страданий и возможности облегчить их, нет на свете ничего, стоящего величества жизни и заслуживающего какого-нибудь внимания» (Ельцова 1899: 386). Многие из ее современниц в то время стояли перед выбором: какую жизненную дорогу выбрать, где больше принести пользу обществу, как прожить жизнь не впустую? Сама Екатерина Михайловна всегда черпала свои духовные силы в Православии, поэтому так важны были ее слова для тех, кто вступал на дорогу служения больным людям.

В редакции «Новое слово» в 1897 г. она впервые встретилась с И. А. Бунином. Он часто бывал в 1897–1898 гг. в доме Лопатиных на журфиксах (в дни приема гостей) и в другие дни, а также на их даче в Царицыне, помогая ей в чтении корректур романа. «Иван Алексеевич определял свои чувства к Екатерине Михайловне романтическим увлечением, как к девушке из старинного дворянского гнезда, очень чистой» (Муромцева-Бунина 1989: 169). Е. М. Лопатина в дневнике 12 марта 1898 г. писала: «Иван Алексеевич Бунин дня через два после того, как я писала в последний раз, в среду уже был у меня. Он у меня постоянно, мы вместе работаем. Мне теперь с ним легко, в наших отношениях есть много поэтичного...» (Муромцева-Бунина 1989: 7). И. А. Бунин позднее вспоминал: «У меня же не было ни малейшего чувства к ней, как к женщине. Мне нравился переулок, дом, где они жили, приятно было бывать в доме. Но это было не то, что влюбленность в дом оттого, что в нем живет любимая девушка, как это часто бывает, а наоборот. Она мне нравилась потому, что нравился дом... Кто я был тогда? У меня не было ничего, кроме нескольких рассказов и стихов. Конечно, я должен был ей казаться мальчиком, но на самом деле вовсе им не был, хотя в некоторых отношениях был легкомыслен до того, и были во мне черты такие, что не будь я именно тем, что есть, то эти черты могли бы считаться идиотическими. С таким легкомыслием я и сказал ей однажды, когда она плакалась мне на свою любовь к Х. “Выходите за меня замуж”. Она расхохоталась: “Да как же это выходить замуж. Да ведь это можно только тогда, если за человека голову на плаху можно положить...”

Эту фразу очень отчетливо помню. А роман ее с Х. был очень странный и болезненный. Он был похож на Достоевского, только красивый» (Басманов 1981: 31–32).

К моменту выхода книги «В чужом гнезде» в 1899 г. Е. М. Лопатина становится членом «Общества любителей российской словесности». В том же году она перенесла тяжелое нервное заболевание, в связи с разрывом с А. А. Токарским, и отошла от литературной деятельности.

В 1900 г. Е. М. Лопатина вступила в «Московскую общину сестер милосердия во имя св. апостола Павла». Община приняла ее, уже имевшую за своими плечами большой жизненный опыт. В общине св. апостола Павла она проходит курс сестер милосердия.

1904 год дал третий выпуск сестер милосердия со времени основания общиной. Среди принявших звание сестры милосердия мы встречаем Е. М. Лопатину и М. А. Фишер-фон-Вальдгейм, из известной семьи профессора Императорского Московского университета (Отчет 1905: 9). Е. М. Лопатина трудится в общине св. Павла, выхаживая одиноких неимущих больных, которые требовали за собой щадительного ухода. Смысл ее жизни сводится в то время к стремлению жить для других. Она так и жила, показывая другим пример.

В «Отчете о деятельности Общины сестер милосердия во имя св. апостола Павла за 1907 г.» мы встречаем краткие и лаконичные сведения о работе: «Сестры продолжали, как и в предыдущие годы, работать в больницах и др. лечебных учреждениях, так, в лечебницах для душевнобольных на Красносельской улице продолжала участвовать в Совете сестра Е. М. Лопатина, при этом она же проводила нередко ночи у постели больных, вместе с сестрой Л. Ф. Маклаковой» (Отчет 1911: 7–8).

В отчете о деятельности общины сестер милосердия во имя св. апостола Павла за 1904 г. мы находим сведения о «25 случаях продолжительного ухода на дому», в которых неоднократно принимала участие сестра милосердия Лопатина. Из того же отчета мы узнаем, что средоточием забот Павловской общины в 1904 г. была г-жа М., учительница, жившая одиноко в пригороде Москвы (район Царицыно, деревня Николаевка). Уход за этой больной осуществлялся день и ночь с 14 октября по 24 декабря. «Дежурили сестры – Е. М. Лопатина, М. П. Некрасова, М.А. Фишер-фон- Вальдгейм» (Отчет 1905: 8).

Жизнь Лопатиной стала наполняться высоким смыслом. В ежедневных хлопотах, в выполнении различного рода действий, в постоянных разъездах и в общении она открывала свое призвание – «служение больному человеку». В этот период открылась ее способность привлекать и сплачивать

округлую себя единомышленников, молодых сестер милосердия. Умение переносить трудности, отставать свои убеждения и принципы – все эти качества были проявлены Лопатиной в деле служения больному человеку. Именно в это время ей стало вполне понятно, что вместе со сплоченными ею единомышленницами – сестрами милосердия – она может в полной мере облегчать человеческие страдания. О ней узнали, как о человеке, отстаивавшем чистоту, высоту и целостность отечественного сестринского дела, не боявшемся брать на свои плечи все тяготы по устройству требуемых временем учреждений. Это закономерно привело ее на место руководительницы общины.

Многолетний поиск материалов, касающихся жизни и деятельности заслуженной сестры милосердия Е. М. Лопатиной, которая стояла во главе интересующей нас сестринской общины, привел нас к ее публикациям. Обнаружилась еще одна ее заслуга в области медицины: ее преданность российскому психиатрическому делу. В частности, нами была обнаружена совершенно неизвестная историкам медицины ее работа «Правда о психиатрических больницах (по поводу статьи В. И. Немировича-Данченко)», опубликованная 3 июля 1914 г. в газете «Русские ведомости». Е. М. Лопатина в этой работе воссоздала атмосферу действовавших в то время лечебниц для душевнобольных, пронизанную теплотой и вниманием к больному, видя особенности пребывания душевнобольных в психиатрических лечебных заведениях. Все, что она видела в других учреждениях, что проявлялось в особом труде психиатров, доставляло ей внутреннюю удовлетворенность, гордость за отечественную психиатрию. Е. М. Лопатина высоко ценила цельность, духовную содержательность всех тех, кто был задействован в этом служении. Сама она была открыта для общения каждой сотруднице Никольской общины. Она сумела создать во вверенной ей общине необходимую когорту специалистов: профессионально подготовленных талантливых врачей и сестер, с их неутомимостью в уходе за душевнобольными. Е. М. Лопатина открыто выступила в защиту психиатрического дела в тревожное предвоенное время, что было поучительно для молодого поколения сестер милосердия. Не случайно именно ей было поручено наблюдение за работой сестер Московской Никольской общины.

Е. М. Лопатина имела поддержку в лице сестры милосердия О. Л. Еремеевой, единомышленницы, близкой соратницы, неутомимой труженицы, блестящего организатора сестринского дела. Отчет Никольской общины за период с 26 октября 1914 г. по 1 января 1916 г. включал такую запись: «Новый 1916 год застал дружную семью... Никольской общины

готовой на всякий труд и лишения, только бы подготовить себя и быть достаточными носить высокое звание сестры милосердия» (Отчет 1916).

События 1917 г. круто изменили жизнь Е. М. Лопатиной. Мужественная и мудрая, она сумела провести свое детище через все перипетии Первой мировой, революции 1917 г. и Гражданской войны. З. Н. Гиппиус, хорошо знавшая Лопатину, писала о ней: «После тяжких переживаний на Кавказе – куда попала в первые годы большевизма Московская Община Екатерины Михайловны, – она, с неизменным своим другом, председательницей Общины О. Л. Еремеевой, и несколькими сестрами очутилась в Болгарии, затем переезд во Францию; и тут, в самый трудный момент, им помогли, их приютила маленькая католическая Община “Cambri”» (Гиппиус 1935: 459).

Екатерина Михайловна Лопатина и Зинаида Николаевна Гиппиус познакомились в Петербурге, задолго до революции 1917 г. Искренне привязанные друг к другу, они всегда стремились до мельчайших подробностей, с предельной ясностью осветить свой внутренний мир в письмах и приличных встречах. Они часто виделись в Клозоне, на юге Франции, где Лопатина вместе со своей подругой, Ольгой Львовной Еремеевой, учредила за свой счет санаторий для больных детей и руководила им в течение многих лет. Посыпая свои письма в Клозон, где трудились Е. М. Лопатина и О. Л. Еремеева, З. Н. Гиппиус каждый раз начинала их с радушного добросердечного приветствия, обращенного к своим соотечественницам: «Милые, дорогие, неоцененные Ольга Львовна и Катенька!»; «Родная моя Катя! Дорогая моя, любимая Катенька! Без конца вас целую, крепко обнимаю, а также милую Ольгу Львовну; поздравляю вас обеих с праздником рождения Света, Христа Спасителя»; «Спасибо за память, Катенька и Ольга Львовна, милые мои, дорогие. Давно уж мечтаю повидаться с вами, жажду рассказать вам много-много...». З. Н. Гиппиус вела переписку с большим числом своих корреспондентов. Благодаря этому мы смогли узнать, что же послужило причиной смерти врача-психиатра М. Ю. Лахтина, трудившегося с сестрами милосердия в Московской Никольской общине сестер милосердия во время Первой мировой войны⁸.

Два писателя – З. Н. Гиппиус и ее супруг Д. С. Мережковский часто гостили у «сестер», которых Гиппиус горячо любила и которые были близки ей по духу, как и она – им. Они много говорили о русской интеллигенции в изгнании, о трудной жизни русских эмигрантов во Франции, о христианском учении, христианском подвиге и о Православной Церкви. Сохранились строки из письма супругов, обращенные к сестрам: «дай Бог, чтобы изредка по-

кидали ваш Клозонский трудовой рай, и той тихой, светско-монашеской, созерцательной жизни у нас с вами, Катенька, не будет, и Ольги Львовниной, невидимо-реальной, нежности не будет, и живого примера ее деятельной мужественности, и мудрых ее слов и умных разговоров – тоже. Но что-нибудь из всего этого, хоть чуточкой, хоть тенью, будет, – ну, значит, и дай Бог, и за эту надежду спасибо. За вас радуюсь, что дело у вас пошло. Вот что значит терпение и воля!» (Гиппиус 1935).

Талантливая писательница З. Н. Гиппиус создала зримый образ обеих подруг: «Все последующие годы жизни Е. М. предо мною. Нет уже многолюдной московской Общины. Нет и богатой барыни, председательницы, с верным другом – помощницей, Катей Лопатиной; но есть на горе, над Антибами; в полуразрушенном старом замке, нищенской детской “превенториум”; он создан из ничего и существует, держится, тоже ничем: только энергией и волей одной из этих немолодых женщин и духовным подъемом другой. Обе такие разные, они необходимы друг другу» (Гиппиус 1935: 459).

После 1917 г., когда эмигрировали во Францию, давала уроки в «превенториуме» близ Ниццы, изредка печаталась в газете «Последние новости» и журнале «Современные записки» в Париже. В эти тяжелые для нашей Родины годы она наравне с другими испытала много трудностей. Как у многих других ее соотечественников-эмигрантов, у нее были тяжелые моменты в жизни.

Екатерина Михайловна всегда черпала свои духовные силы в Православии. З. Н. Гиппиус писала: «Святой, кровной традицией, она, русская москвичка, была связана с родной церковью». Или: «Мы жили вместе с Е. М. в лесном Клозоне. Наши бесконечные, вечерние, последние разговоры позволили мне заглянуть в религиозную сердцевину ея души. Потому, должно быть, и не удивляли меня этапы ее дальнейшего пути. Религиозность Е. М. была такого свойства, что ее не могла удовлетворить никакая личная христианская жизнь; она стремилась к христианской атмосфере, к особому “климату”, воздуху, без которого ей трудно было дышать. В сущности, стремилась она, даже рвалаась к “царству Божию на земле”, ни больше – ни меньше; но, конечно, так не думала, не знала, а знала это, по коренной своей связи с церковью вообще, – церковной жизнью. В ее представлении такая общая атмосфера могла идти лишь от церкви; создавалась лишь христианской церковью. В маленькой полумонашеской общине “Cambri” она почувствовала, увидела, или ей показалось, что увидела, – именно эту атмосферу, этот вечно желанный воздух. Забыть его не могла. Но ведь он – создал церкви? Отсюда и путь церковных исканий,

путь скорбный, но и светлый, если он свой, этой душе указанный» (Гиппиус 1935: 459). Философские размышления о смысле жизни приводили к усилиям с ее стороны по сохранению тех духовно-культурных традиций, которые продолжили бы выполнять свою историческую миссию в жизни народа и стран в переломное военное время.

Екатерина Михайловна Лопатина умерла в 1935 г.⁹ В журнале «Возрождение» в небольшой заметке «Кончина Е. М. Лопатиной» о ней было сказано: «Нами получено от О. Л. Еремеевой письмо, констатировавшее смерть Е. М. Лопатиной: «Наша бедная Катя 21 сентября была похоронена на Вальдонском кладбище. Скончалась она 19 сентября, в 12 ч. 30 мин. ночи, проболев всего четыре часа. У нее, очевидно, был удар, – она сразу потеряла сознание и как бы тихо заснула, без страданий, дышала все время тихо. Доктор определил удар и паралич всей правой стороны...»» (Возрождение 1935).

Писательница М. Каллаш в некрологе «Памяти Е. М. Лопатиной», опубликованном в «Последних новостях» 3 октября 1935 г., смогла подобрать точные слова, соответствующие сущности личности Е. М. Лопатиной: «Екатерина Михайловна Лопатина была из числа тех людей, глядя на которых, можно было любоваться прошлым, радоваться подлинной красоте и тончайшей культуре и горько жалеть, что они уходят и никогда уже не повторятся больше в своих прежних формах» (Каллаш 1935). З. Н. Гиппиус в своем «Некрологе» создала зримый образ заслуженной сестры милосердия Е. М. Лопатиной.

Можно только сожалеть о том, что в свое время уважаемая в профессиональной среде сестра милосердия Е. М. Лопатина до сих пор еще мало из-

вестна, мало изучена, незнакома как деятельница российского психиатрического дела. А ведь именно она показала цельность, духовную содержательность этого служения. Как тут согласиться с одним из современных историков сестринского движения А. В. Постернаком, написавшим: «Однако не следует забывать о том, что профессия сестры вплоть до начала XX века в России никогда не считалась престижной и всегда увязывалась с самой черной работой, которую должны выполнять люди из простонародья, вынужденные этим зарабатывать на пропитание» (Постернак 2001: 3). Конечно, с этим согласиться нельзя. Как нельзя считать правильными слова того же автора о составе общинниц: «В общине шли либо молодые энтузиасты, но таких оказывалось крайне мало, либо люди, у которых из-за бедственного материального положения не было другого выхода: женщины из семей мелких чиновников, обедневших дворян, даже крестьян, подчас необразованные... Интерес к этой профессии у обеспеченных слоев российского общества и интеллигенции просыпался лишь в тот момент, когда в военный период образ сестры окутывался дымкой патриотической романтики – тогда-то и появлялось много волонтеров» (Постернак 2001: 209, 210). Наши исследования нескольких общин сестер милосердия показывают, что туда шли в основном лучшие из лучших, такие, как заслуженная сестра милосердия Е. М. Лопатина. Они отдавали все свои силы делу ухода за больными, относясь к сестринскому делу серьезно, ответственно и умело, не руководствуясь критерием «престижности». Дело сестринского милосердия в Российской империи было тогда в надежных руках.

Примечания

¹ В книге Е. Н. Козловцевой отмечено: «Последней организованной в Москве общиной воссоздается в 1914 году Никольская община, названная в честь своих первых создателей – доктора Ф. П. Гааза и княгини С. С. Щербатовой» (Козловцева 2010: 36). Здесь очевидная ошибка, поскольку Никольская община создавалась в память С. С. Щербатовой и Ф. П. Гааза, а не в их честь. Эта же ошибка, как и неверная интерпретация обстоятельств возникновения Никольской общины 1914 г., перешла в справочник «Общины сестер милосердия Российской империи: 1844–1917» (М., 2019).

² Главный врач этой общины Петр Александрович Герцен (1871–1947) – хирург, организатор здравоохранения, создатель хирургической школы, доктор медицины, профессор. В годы Первой мировой войны служил хирургом в действующей армии. Написал около ста научных работ, в том числе пять монографий. См. о нем подробнее: https://ru.wikipedia.org/wiki/Герцен,_Петр_Александрович

³ Лахтин Михаил Юрьевич (1869–1930) – историк медицины, врач-психиатр, доктор медицины, профессор. Подробнее о нем см.: https://бмэ.орг/index.php/ЛАХТИН_Михаил_Юрьевич

⁴ Представляет интерес дальнейший профессиональный путь Ю. А. Флоренской (1883–1947). С 1919 по 1922 г. она проходила клиническую ординатуру в психиатрической клинике медицинского факультета I Московского университета под руководством проф. П. Б. Ганнушкина, работая одновременно врачом в детских домах для умственно отсталых детей. С 1927 г. Юлия Александровна приступила к самостоятельной работе в области изучения речевых расстройств и их терапии, как тогда говорили, логотерапии. Она стала руководителем логопедического отделения Института невропсихиатрической профилактики, а

позднее Центрального института психиатрии Министерства здравоохранения РСФСР. Под руководством Ю. А. Флоренской была разработана методика логотерапевтической помощи больным с речевыми нарушениями. Используя циклы специализации и повышения квалификации врачей по психиатрии в Центральном институте усовершенствования врачей, она широко пропагандировала знания в области логопатологии и логотерапии.

⁵ Судьбы людей порой оказывались переплетенными удивительным образом. Так, сестра милосердия Московской общины сестер милосердия св. апостола Павла Л. Шидловская трудилась бок о бок с сестрой милосердия этой же общины Е. М. Лопатиной в лечебных заведениях Москвы, и в том числе и лечебных заведениях для душевнобольных. В 1928 г. Л. Шидловская выпустила в свет книгу «Очерки по уходу за душевнобольным». В рецензии, опубликованной в 1927 г. Розенштейном в «Вестнике современной медицины», было сказано: «В книге имеются вещи никогда и нигде не описанные и составляющие привычки и навыки московских психиатров, навыки, полученные от старших специалистов по уходу». Розенштейн смог точно определить важность дела ухода за душевнобольными в клинике: «Уход за душевнобольными есть особая специальность и как ни странно руководящая творческая роль в этом деле принадлежала не врачам. Так, у великого Пинеля, психиатра эпохи Французской революции, с именем которого было связано снятие с душевнобольных цепей, учителем по уходу был надзиратель Посена. Основоположник Московской психиатрической школы во главе с С. С. Корсаковым имел свою учительницу по уходу М. Ф. Беккер, о которой автор книги тепло вспоминает вместе с другой московской крупной деятельницей по уходу за душевнобольными И. А. Голубевой. Если в общей части видна опытная рука сестры, глубоко понимающей психику душевнобольных, то третья часть посвящается уходу при различных картинах душевного заболевания; затрагивает проблему ухода в связи с клиническими симптомами. Здесь чувствуется влияние врача психиатра клинициста, т.е. выступает роль редактора Ю. А. Флоренской».

⁶ А. А. Адлер стала первой в России, опубликовавшей книгу для слепых детей шрифтом рельефного шеститочия, шрифтом Брайля. Этот труд получил высокую оценку тех, кому была дорога судьба образования слепых в России. В 1884 г. А. А. Адлер была командирована за границу для глубокого изучения опыта работы учебных заведений для слепых детей. Более всего ее интересовали способы печатания брайлевских книг и изготовления рельефных рисунков. В 1884 г. Анна Адлер на свои средства заказала в Берлине типографское оборудование – пресс, шрифт, наборные ящики, кассы и другие принадлежности, чтобы приступить к печатанию книг шрифтом Брайля в России. Для более детального изучения печатного дела она отправилась в Санкт-Петербург к А. И. Скребицкому, знатоку способов печатания книг шрифтом Брайля. Он познакомил ее со всеми приемами тиснения и дал необходимые рекомендации. Бумагу первой брайлевской книги представила жена Скребицкого – благотворительница Мария Семеновна Скребицкая.

Хотя у нее были помощники, но основную работу по набору текста, корректуре и печатанию книги А. А. Адлер выполняла сама. В 1885 г. работа над первой книгой («Сборник статей для детского чтения, изданный и посвященный слепым детям Анною Адлер») была завершена. В сборник вошли 5 стихотворений Н. А. Некрасова, 15 небольших рассказов для чтения, рассказы «Царь-работник» Корниловича, «Механик-самоучка» о Кулибине, «Александр II – царь освободитель», биография Луи Брайля из книги Г. Куля, переведенная А. А. Адлер с немецкого языка. В 1904 г. А. А. Адлер была избрана членом совета Арнольдо-Третьяковского училища для глухонемых, а в 1913 г. – членом правления Политехнического музея.

⁷ Ардальон Ардальонович Токарский (1859–1901) окончил медицинский факультет Императорского Московского университета в 1885 г.; с 1887 г. – ординатор клиники психиатрии, с 1893 г. – приват-доцент того же университета по кафедре нервных и душевных болезней, основатель Психологической лаборатории при клинике психиатрии (1889). Издатель журнала «Записки Психологической лаборатории психиатрической клиники Московского университета» (1896. Кн. 1–5). Автор работ по экспериментальной психологии, теории и практике гипноза и др. Профессор Г. И. Россолимо оставил о нем следующие воспоминания: «А. А. Токарский, в то время еще совсем молодой, но с уже вполне определившимся ярким обликом созревшего крупного ума. Молодым еще студентом, он производил впечатление... петушка, в любую минуту готового ринуться в бой, с подавшимся вперед корпусом, сжатыми кулаками и огненным взором широко раскрытых глаз, с резко отчеканенной богатой речью, прерывающейся, как бы для разгона, коротким сухим покашливанием. Характерно было откидывание назад пятерней пышных гладких волос. И оттягивание кончика красивой русой бородки и запихивание правой рукой во время докладов и выступлений носового платка в левый внутренний карман застегнутого на одну нижнюю пуговицу двубортного сюртука» (Омский медицинский журнал 1928: 100).

⁸ Из письма Т. Гиппиус к З. Гиппиус: «...о кончине М. Ю. Начало болезни было положено давно, во время пожара в [неразб.], где был санаторий. Ему пришлось спуститься со второго или третьего этажа по трубе

(лестница уже горела) и этим же путем уговаривать спускаться больных. Все были спасены, а в это время наверху горело имущество и среди него многолетний труд по психиатрии “Душа русского народа”, почти законченный. Сгорели также и ценная библиотека, источники для работы. М. С. думает, что ее не удалось восстановить. М. Ю. надорвался, помогая спускаться спасаемым, принимая их тяжесть на себя. У него сделалась болезнь мочевого пузыря, которая заставляла его страдать до конца дней. Ему сделали операцию, но облегчение было кратковременное. Сознание потерял только в последние минуты. Все дети и жена были при нем. Очень страдал. Последние годы стал бывать в церкви. Очень полюбил церковное пение. М. С. с восхищением говорила о жене и всей семье. Одна дочь уже замужем и сын женатый, младшему сыну 18 лет. Все любили отца и обожают мать. На пожаре сгорело почти все имущество. Жить было трудно. Последнее время принимал больных в страхкasse. Очень был любим рабочими. Один из них навзрыд плакал у гроба. Была кремация, впечатление было тяжелое, похороны гражданские, но после них близкие сошлись в церкви для заочного отпевания, и это было хорошо» (Пахмусс 1980: 297–298).

⁹ Положение Е. М. Лопатиной-эмигрантки в то время было похоже на положение большого числа эмигрантов из России: художников, писателей, музыкантов, живших в то время в Западной Европе. Мы приведем высказывание, касающееся творчества известной художницы-эмигрантки Наталии Гончаровой, опубликованное в каталоге выставки «Амазонки авангарда» (Нью-Йорк, 2000). Это высказывание как нельзя лучше подходит к такой творческой личности, как Екатерина Михайловна Лопатина: «творческий дух лежит все же не в отдельном человеке, а в народе, нации, к которой он принадлежит, в ее земле и природе, это часть общей народной души, это цветок на большом, большом дереве. Но правда то, что, если... сорвать цветок и переставить его в какой угодно питательный раствор, он сначала, быть может, и зацветет еще лучше, но все же было бы лучше, если бы он остался на дереве. Для русского художника это дерево – Россия и Восток, а не Европа... Русский не может сделаться европейцем, не создав раздвоенности... между своим внутренним миром и... способом одеваться, двигаться, писать стихи, музыку, картины... Есть, впрочем, и еще способ найти равновесие – это окончательно забыть свою первую любовь, сделаться усыновленным сыном чужой страны и отдаваться полностью новой. Так было с Ван-Гогом, Гогеном, Пикассо, но с русскими не случалось».

Источники и материалы

- Басманов 1981 – Басманов А. Особняк с потайной дверью. М., 1981.
- Борьба 1915 – Борьба с лже-сестрами милосердия // Вестник Красного Креста. 1915. № 4.
- Возрождение 1935 – Кончина Е. М. Лопатиной // Возрождение. 1935. 26 сент. № 3767.
- Воспоминания 1891 – Воспоминания о С. А. Юрьеве // В память С. А. Юрьева. Сборник, изданный друзьями покойного. М., 1891.
- Гиппиус 1935 – Гиппиус З. Н. Своими путями (о Е. М. Лопатиной) // Современные записки. 1935. № 59. С. 459–462.
- Ельцова 1899 – Ельцова К. В чужом гнезде. СПб., 1899.
- Ельцова 1926 – Ельцова К. Сны нездешние // Современные записки. 1926. Т. 28.
- Знак 1915 – Знак Красного Креста для награждения сестер милосердия // Вестник Красного Креста. 1915. № 4.
- Каллаш 1935 – Каллаш М. Памяти Е. М. Лопатиной // Последние новости. 1935. 3 окт.
- Муромцева-Бунина В. Н. 1989 – Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 1989.
- Омский медицинский журнал 1928 – Омский медицинский журнал. 1928. № 2.
- Отчет 1905 – Отчет о деятельности Общины сестер милосердия во имя св. апостола Павла за 1904 г. М., 1905.
- Отчет 1911 – Отчет о деятельности Общины сестер милосердия во имя св. апостола Павла за 1907 г. М., 1911.
- Отчет 1916 – Отчет Никольской общины сестер милосердия в память кн. С. С. Щербатовой и доктора Ф. П. Гааза Российского общества Красного Креста с 26 октября 1914 г. по 1 января 1916 г. М., 1916.
- Пахмусс 1890 – Темира Пахмусс. Из архива Зинаиды Николаевны Гиппиус. Письма к Е. М. Лопатиной и О. Л. Еремеевой // Вестник Русского Христианского движения. 1980. № 132. С. 268–305. Париж–Нью-Йорк–Москва. [Из архива Зинаиды Гиппиус. Письма Е. М. Лопатиной и С. Л. Еремеевой. Публ. Темиры Пахмусс. 1980. EBook 2009 \(imwerden.de\)](#)
- Речь 1891 – С. А. Юрьев как мыслитель / Речь, читанная на годичном заседании Московского психологического Общества 24 мая 1889 года // В память С. А. Юрьева. Сборник, изданный друзьями покойного. М., 1891. С. 213–214.

Сборник 1891 – В память С. А. Юрьева. Сборник, изданный друзьями покойного. М., 1891.
 Сообщение ВКК 1915 – Сообщение Вестника Красного Креста // Вестник Российского Общества Красного Креста. 1915. № 2.
Трубецкой 1921 – *Трубецкой Е. Н. Воспоминания. София, 1921.*
 ЦГИАМ – Центральный государственный исторический архив в Москве.

Научная литература

Козловцева Е. Н. Московские общины сестер милосердия в XIX – начале XX века. М., 2010.
 Постернак А. В. (ред.). Общины сестер милосердия Российской империи: 1844–1917. М., 2019.
 Постернак А. В. Очерки по истории общин сестер милосердия. М., 2001.

References

Kozlovceva, E. N. 2010. *Moskovskie obshchiny sester miloserdija v XIX- nachale XX veka* [Moscow Communities of Sisters of Mercy in the 19th – early 20th centuries]. Moscow.
 Posternak, A. V. (ed.). 2019. *Obshchiny sester miloserdija Rossijskoj imperii: 1844–1917* [Communities of Sisters of Mercy of the Russian Empire: 1844–1917]. Moscow.
 Posternak, A. V. 2001. *Ocherki po istorii obshchin sester miloserdija* [Essays on the history of the communities of sisters of mercy]. Moscow.

MOSCOW NIKOLSKY COMMUNITY OF SISTERS OF MERCY IN MEMORY OF PRINCESS S. S. SHCHERBATOVAYA AND DOCTOR F. P. GAAZ AND ITS ABBESS E. M. LOPATINA

Abstract. The emergence of the Nikolskaya community of sisters of mercy in Moscow is connected with the circumstances of the Patriotic War of 1914. As in the Crimean War, at the tsar's call, groups of sisters of mercy set off from Moscow to the new battlefields as volunteers. This community appeared as a nursing and medical institution helping civilians and soldiers affected by the war, including those in need of psychiatric help. Caring for the sick with mental disorders becomes the main concern of the sisters of the new community. The names of the founders, as well as the names of the people in whose memory the community is named, were connected by a common tradition of social nursing care - sacrificial in nature, requiring professionalism, Christian mercy and renunciation of one's own life in the name of saving the lives of others.

Key words: Nikolskaya community of sisters of mercy, Christianity, Orthodoxy, charity, mercy, psychiatric care, assistance to the wounded and sick in the war.

For citation: Blohina N. N. 2022.

MOSCOW NIKOLSKY COMMUNITY OF SISTERS OF MERCY IN MEMORY OF PRINCESS S. S. SHCHERBATOVAYA AND DOCTOR F. P. GAAZ AND ITS ABBESS E. M. LOPATINA. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost).* 30: 3–17.

